

юности, отъ дней, когда маленькій Толстой составлялъ себѣ программы нравственнаго поведенія и ощущалъ гнетъ моральныхъ неотвратимыхъ понужденій, переживая временами подъемы чисто христіанскаго экстаза, и во все время своей творческой работы—писатель въ сущности ни на минуту не разставался съ представленіемъ о Христѣ, объ источникѣ высшей человѣческой и всемірной истины, или, по крайней мѣрѣ, о вдохновенномъ и недоступно правдивомъ выразителѣ этой истины. Не пытаясь внѣшнимъ образомъ воспроизвести обликъ Истиноносителя, писатель несомнѣнно внутри себя имѣлъ смутно созерцаемый его обликъ. И всѣ страницы его философскихъ и религіозныхъ размышленій вдохновлены единственно представленіемъ о томъ, кто воплощалъ собою и выражалъ собою вѣчную истину.

Писатель имѣлъ дѣло на первый взглядъ только съ ученіемъ Христа, съ принципами жизненнаго поведенія и пониманія міра и человѣка въ немъ, а не съ носителемъ этого ученія. Но само собою разумѣется, что, имѣя дѣло съ тѣмъ, въ чемъ отпечатлѣлось внутреннее души Творца этого ученія, излагая эти идеи, примѣняя ихъ къ современной жизни, пламенно доказывая, что можно и должно жить, слѣдуя всей правдѣ, всей неискаженной истинѣ этого ученія, писатель не